

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ В XIX ВЕКЕ

В. П. Попов, Б. А. Ершов

Воронежский экономико-правовой институт

В последние годы интерес исследователей к истории русской православной церкви неизмеримо вырос. Отечественная историография пополнилась немалым количеством разнообразных и интересных работ в этой области. Однако во всей этой массе исследований практически отсутствуют работы, посвященные земельной собственности церквей и монастырей в XIX в. По-прежнему у современных исследователей сохраняется неопределенное представление о хозяйственной жизни главной конфессии империи в очерченный период и в особенности – об источниках и суммах доходов, характере землепользования и уровне земельных владений. Суть исследуемого вопроса состоит в том, чтобы показать изменения государственной политики по отношению к церковной собственности от установления тоталитарного контроля в петровскую эпоху и полной секуляризации при Екатерине II до последующих шагов в первой половине XIX в. и к постепенному восстановлению церковной земельной собственности, но уже в несравненно меньших масштабах. Изучение данного вопроса позволит точнее определить правовое положение русской православной церкви в Российской империи, уровень государственного контроля над материальным положением духовенства, роль и значение монастырских и церковных хозяйств в социально-экономической жизни России [1]. Можно отметить, что, несомненно, основным источником доходов православного духовенства была земля. От ее количества, качества и уровня агротехники зависела не только степень материального благополучия священнослужителей и полноценная церковная деятельность, но порой и сама жизнь категорий духовенства. В этой связи представляется небезынтересно выявить источники обеспечения священнослужителей земельными участками, достаточность отведенных площадей и их экономическую эффективность. К сожалению, исчерпывающих данных о росте церковной земельной собственности в XIX в. нет. В распоряжении исследователей находятся лишь частичные статистические данные по отдельным духовным субъектам. В частности, есть сведения по земельным и

лесным владениям 200 монастырей империи середины 1870-х годов, которые составляли около 250 тыс. десятин.[2] Вместе с тем 36 монастырей владели собственностью менее 100 десятин земли, в том числе 16 – менее 50 десятин. Из всего количества приведенных монастырей 44 имели от 100 до 200 десятин земли, 90 – от 200 до 1000 десятин, 12 – от 1000 до 2000 десятин и 5 – более 10 тыс. десятин земли. В целом все православные монастыри России владели в эти годы по косвенным данным менее чем миллионом десятин земли. Система церковного землевладения в императорской России складывалась в очень сложных для духовенства условиях. С подчинением православной церкви нуждам самодержавия, Петр I фактически произвел и частичную секуляризацию ее владений. После смерти Петра I императорская власть неоднократно рассматривала вопрос о дальнейшей секуляризации церковных земель, но лишь в царствование Екатерины II правительство окончательно решилось реализовать эти намерения в полной мере [3]. По манифесту 26 февраля 1764 г. огромное количество вотчинных владений архиерейских домов, монастырей и церквей, в которых по последней ревизии числилось до 910 866 душ, были окончательно переданы в ведение коллегии экономии, а духовные власти совершенно отстранялись от их управления. Вследствие этой реформы из 1,5 млн руб. ежегодного дохода от церковных вотчин государство стало получать 787 тыс. руб., остальная сумма шла на содержание духовенства. Рассматривая земельные владения русской православной церкви, следует разделить ее поземельную собственность на две категории: монастырскую и приходскую. Монастыри всегда испытывали меньшую нужду в луговых, пахотных и лесных владениях. Как ни странно, лицам отказавшимся от мирских благ и добровольно избравшие аскетический образ жизни, правительство оказывало большую щедрость и большее внимание, чем белому духовенству, которое будучи обремененное большими семьями, чаще испытывало потребность в материальной помощи. Так, за период с 1836 по 1861 гг. около 170 монастырей получили более

16 тыс. десятин леса и более 9 тыс. пахотной и луговой земли. В отдельных случаях монастыри неоднократно получали лес и пахотную землю. Монастырское землевладение продолжало увеличиваться и на протяжении всей второй половины XIX и в начале XX вв. Между тем, подобное мы не наблюдаем в отношении приходского духовенства. Вернее, правительство неоднократно рассматривало вопрос об обеспечении причтов достаточным количеством земли, однако реализовывались принятые решения лишь частично [4].

Так, церковный историк В. Кильчевский делает вывод, что не всегда можно получить полное представление обо всех земельных угодьях и участках, принадлежавших отдельным монастырям. Иногда в состав усадебной земли, кроме находившейся под разного рода строениями (церквями, домами, лавками и пр.), включались также земли, отведенные под кладбища. При 62 монастырях и общинах и вовсе усадебной земли не значилось. Причем, остается неизвестным, включена она была или нет в другие рубрики предоставленных документов. В иных случаях некоторые монастыри вводили рубрику «пахотная земля» и усадебные участки а также луговые и огородные угодья [5]. Можно предположить, что от ряда земельных владений монахи получали весьма низкий доход, как по причине плохой освоенности угодий, так и по причине низкого качества самой почвы. В доставленных из епархий документах указывается и на отдаленность земель от монастырей. Такие участки монахи отдавали в аренду, а сами в свою очередь арендовали землю у соседей. В донесениях же духовной консистории положение дел было освещено несколько иначе. В частности, сообщалось о том, что священники пользовались указанным числом паев лишь в сенокосных и лесных угодьях. В пашенных же землях все члены причта пользовались только одним паем наравне с казаками. Существенно уменьшались и лесные площади. По этой причине в большинстве станиц духовенству отводилось лишь по одному пахотному паю. При этом священнослужители получали свои наделы рваными участками, часто в 7–8 и более местах на расстоянии от 20 до 40 верст, как друг от друга, так и от места жительства. Характер же служебных обязанностей, которые требовали ежедневного присутствия в церкви, не позволял духовенству эффективно осваивать эти угодья [6]. Ввиду таких обстоятельств епархиальное начальство настаивало на том, чтобы члены причта получали в надел 66 десятин земли в виде отдельного постоянного

участка, расположенного вблизи от церкви и с тем, чтобы за духовенством были сохранены прежние их права наравне с казаками. Вообще, в большей части епархий коренной России был достаточно высокий процент церквей, владевших небольшими участками земли от 30 до 50 десятин [7]. В частности, в качестве примера можно привести данные государственного архива Воронежской области и дело по решению спорного вопроса о принадлежности земли между священниками слободы Белолицкой Старобельского уезда и города Острогожска от 3 августа 1816 г. [8]. В деле сказано, что между священниками слободы Белолицкой Старобельского уезда города Острогожска возник спор о принадлежности земли около реки Дон, примыкающей к Ильинской церкви. Не разрешает пользоваться этой землей в качестве дороги к Ильинской церкви священник Иоким Ефремов, несущий службу при сей церкви. Воронежская духовная консистория постановила: дело передать в уездный суд. Суд вынес решение не препятствовать священнику Иокиму Ефремову в переходе по этой земле людям, направляющимся в Ильинскую церковь, для того чтобы помолиться Богу. В то же время владения лишь малого количества причтов превышали 100 десятин. В отдаленных восточных епархиях ситуация была схожая. Рассматривая финансовое и имущественное обеспечение православной церкви, необходимо отметить, что многие епархиальные дома, монастыри и причты очень неэффективно эксплуатировали свои владения. На протяжении всего XIX в. православная церковь не без трудностей, но продолжала различными путями увеличивать свое материальное богатство [6]. В целом ее доходы можно разделить на шесть категорий. К первой относились денежные субсидии государства, которые составляли отдельную статью расходов ежегодного бюджета. Ко второй и третьей относились земельные приобретения, которые производились за счет казенных владений, либо путем пожертвования и приношения населением. Сюда входили как различная поземельная собственность, состоявшая из пахотной земли, лугов и лесов, так и рыбные ловли, мельницы и иные владения. К четвертой относились доходы от сдачи в аренду церковного имущества и от торговли различными сельскохозяйственными и промышленными продуктами. К пятой категории можно причислить проценты с капиталов, находившиеся в банках. И, наконец, к шестой следует отнести денежные приношения мирян. Несмотря на сокрушительный удар, нанесенный церковному имущес-

тву в XIX в., в целом происходило частичное восстановление утраченного богатства и влияния церкви. До секуляризации накопление земель духовенством проходило в основном путем частных вкладов, чему государство постоянно препятствовало вплоть до прямых запретов завещать и дарить монастырям земли. После секуляризации рост церковных земель происходил в основном за счет казны, при прямом покровительстве государственной власти. Лишив церковь собственности, государство было вынуждено взять на себя заботу о церкви. Жизненная практика показала целесообразность наделения духовенства землей. На протяжении XIX в. шел неуклонный рост церковного, архиерейского и монастырского землевладения. В царствование каждого императора от Павла I до Николая II церкви отчуждалось несколько десятков десятин из казенных земель и казенных лесничеств. Причины наделения землей были разнообразны. Важнейшей из них была инфляция, которая нарастала год от года. Посаженное на оклад духовенство испытывало на себе все тяготы этого процесса. Это привело к наделению церкви землей и другой недвижимостью, к повышению жалования и разностороннему улучшению быта духовенства. Особо следует отметить, что накопление земель после секуляризации – не продолжение прерванного процесса, а новый процесс, который протекал в новых исторических условиях, с другой направленностью и целями. Наиболее глубоко, хотя и кратко, проблема секуляризационного роста церковной собственности была разработана в труде И. К. Смолича. Историк подверг серьезному анализу последствия 1764 г для церковной жизни, охарактеризовал систему ведения церковных, архиерейских и монастырских хозяйств и способы их содержания до и после секуляризационной реформы. Автор считал, что секуляризация давно назрела и пошла на пользу всем церковным учреждениям. Тем самым государство предоставило церкви возможность внутренне обновиться, возможность, которой до этого у церкви не было. По поводу последующего накопления церковных земель автор пишет, что государство, приняв на себя обязательство содержать церковь, показало свою неспособность это выполнить, поэтому и вынужденно было наделять причт и монашество землей. Несмотря на покровительственное отношение правительства к духовенству в XIX в., контроль над церковью со стороны государства продолжал оставаться очень строгим. Самостоятельность в ведении собственного хозяйства монастырей была

существенно ограничена. С 1764 г. по 1861 г. монастырям было строго запрещено владеть землями с людьми или отдельно людьми. Контролировался и состав братии в монастырях [9]. Монастыри не могли без разрешения императора и Синода даже получить завещание. При условии получения монастырем подобного разрешения, монастырские власти представляли свои планы на имущественные пожертвования. Денежные капиталы духовенство было обязано хранить в государственных банках. Получать проценты с собственного капитала монастыри могли только с разрешения епархиального начальства. Тенденции к улучшению государственно-церковных отношений наблюдаются при Павле I. Если Екатерина II проявляла интерес к духовенству по долгу службы, то Павел I был более искренен и заботлив. Возможно, это объяснялось воспитанием императора. Воспитанный бабушкой императрицей Елизаветой Петровной и законоучителем митрополитом Платоном, Павел I был искренне заинтересован в улучшении быта духовенства [10]. Именно при Павле I появляется правило о награждении духовенства лентами и орденами, которое церковный автор XIX в., называет «самой злой насмешкой духа времени над монашеством». Император особенно покровительствовал приходскому духовенству. Тем не менее, это было такое покровительство со стороны государственной власти, которое не оставляло духовенству права никаких самостоятельных решений. Со стороны правительства проводилась детальная регламентация внутренней жизни церкви. Так, земли в распоряжение духовенства поступали строго определенные, о перемене которых нельзя было просить. Увеличить количество отведенной земли или продать землю также было нельзя. Неиспользуемые земли и угодья в собственных хозяйствах монастырей могли отдаваться в аренду, но только не под торговые заведения. Приходскому духовенству было запрещено самостоятельно обрабатывать землю. Обработка земли осуществлялась только силами прихожан «по несоответствию этого дела с духовным саном». С одной стороны, духовенство по-прежнему было избавлено от несвойственных ему забот и обеспечено, т.к. вне земли ничем другим обеспечить было нельзя, с другой стороны, это вызывало зависимость причта от крестьян. Указ был отменен Александром I [11]. Среди императоров XIX в. Николай I, пожалуй, более всех способствовал росту церковного землевладения. В период его правления количество церковных земель было увеличено в 2–3 раза. Ши-

рокий размах покровительственная политика Николая I по отношению к церкви приобрела с 1829 г., со времени выхода «Положений о способах к улучшению состояния духовенства» [12]. Храмы, монастыри и архиерейские дома наделялись землей и угодьями (мельницами и рыбными ловлями), причты – домами. Значительно увеличилось содержание монастырей, духовенству назначались пенсии. О последних трех десятилетиях до 1914 г. имеются лишь неполные данные о распределении земель. Официальная статистика 1905 г. зарегистрировала в 50 губерниях европейской части России 1 872 000 десятин земли, находившейся во владении приходов и 740 000 десятин — во владении архиерейских домов и монастырей. Однако практика монастырской жизни в XIX и XX вв. ясно показала, что хозяйственная деятельность монахов разлагающе действует на внутреннюю сторону их жизни. Лишь немногим монастырям удавалось органически включить сельскохозяйственную и торговую деятельность в распорядок монашеского быта [13]. В России до 1917 г. православная церковь имела в собственности три с лишним миллиона гектаров земли. Передача земельных участков в собственность храму – реальная материальная поддержка церкви и знак уважения государства к миллионам верующих граждан. И здесь необходимо отметить, что земельный вопрос имеет огромное влияние не только на экономику, но и на образ жизни десятков миллионов людей, а значит влияет он и на жизнь всего народа. Вот почему он так важен в России, да и во многих других государствах мира, особенно переживающих время перемен. Урегулирование земельных отношений затронет судьбы многих наших сограждан, и поэтому церковь готова принять посильное участие в обсуждении данной проблемы. Цель такого участия одна – забота о благополучии человека и народа, о будущем России.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что экономическое положение русской православной церкви в XIX в. было весьма прочным, а источники дохода давно налажены и постоянно совершенствовались. Вместе с тем, следует отметить, что православная церковь, как и российское общество,

не являлась однородным организмом. Мы наблюдаем и богатство отдельных церковных субъектов и духовных лиц и откровенную бедность большой группы священнослужителей. Эти проблемы неоднократно обсуждались правительством, которое по мере своих возможностей пыталось их решить. Несмотря на то, что к указанному времени церковь уже обладала значительными материальными ресурсами, они все же были недостаточны, а посему усилия по их наращиванию не прекращались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века: Моногр. – Саратов: Изд. Саратовского университета, 2002. – 441с.
2. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1892. Вып. I III; Он же. Монастыри в Российской империи // Статистический временник Российской империи. СПб., 1887. Сер. 3. Вып. 18.
3. Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871 г.
4. Любинецкий И. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. Ч. 1 – 4
5. Кильчевский В. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908 г.
6. Кузнецов И. Д. К вопросу о церковном недвижимом имуществе и отношении государства к церковным недвижимым владениям в России // Благая весть. 1907. № 5
7. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического и географического исследования. Казань, 1913 г.
8. ГАВО ф. И-84, оп. 1, д. 1168, л. 1, 3.
9. Ростиславов Д. И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб, 1876 г.
10. Горчаков М. О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.). СПб., 1871 г.
11. Знаменский П. В. Чтения по истории русской Церкви в царствование императора Александра I // Православный собеседник. 1885 г.
12. Закон от 6 декабря 1829 г. (4. № 3323) включал также новые положения о земельных наделах приходского духовенства.
13. Рункевич. История Русской Церкви в XIX в. СПб., 1901 г.